

гавшего великому князю и «закочачивавшего» новгородские пушки, сочувствовала «меньшим людем» и осуждала «лутших» за то, что они «приведоша великого князя на Новгород». Но и она не могла не признать, что во время войны в Новгороде не было единства: люди отказывались идти в бой, говоря: «...яз человек молодой, испростерялся конем и доспехом».

Именно в этом была историческая неизбежность поражения Новгородской республики и победы Ивана III в 1471 г. Официальное объяснение похода 1471 г., данное великокняжеской властью, носило сугубо пропагандистский характер — речь шла о поводе, а не о действительной причине похода.

Б. В. САПУНОВ

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ УГЛИЧСКОГО СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА

В полдень 15 мая 1591 г. на Заднем, или Царицыном, дворе Угличского кремля при невыясненных до сих пор обстоятельствах скоропостижно скончался последний сын Ивана IV — царевич Дмитрий Иванович. Смерть восьмилетнего ребенка прошла бы относительно незаметно, если бы последующие события не вызвали к ней стойкий и длительный интерес. В 1605 г. тень царевича воплотилась в Лжедмитрии, а угличская драма стала прологом национальной трагедии, едва ли не поставившей страну на грань катастрофы.

Официальную версию угличских событий дала Следственная комиссия, возглавленная князем В. Н. Шуйским.¹ Она утверждала, что царевич зарезал себя сам в припадке «падучей» болезни, а Нагих убили в Угличе «измену», которая привела к поспешному восстанию горожан. До конца XVI в. эта версия продолжала оставаться официальной. В наказе Р. М. Дурову, который весной 1592 г. должен был встречать литовского посланника Ганзля Волка, угличские события излагались по Следственному делу. Когда отошли в прошлое потрясения Смутного времени, общественная мысль, официальная государственная доктрина и народное самосознание твердо придерживались иной точки зрения — царевич Дмитрий был зарезан по указу Б. Ф. Годунова. Второй и третий тезисы комиссии об «измене» Нагих и мятеже в Угличе на фоне бурных событий начала XVII

¹ Следственное дело об убийстве царевича Дмитрия Ивановича, происшедшее в Угличе по повелению государя царя Феодора Ивановича боярином князем Василием Ивановичем Шуйским, окольничим Андреем Петровичем Клешиным и дьяком Елизарием Вылузгиным. Писано 1591 года, в мае. // СГД. М., 1819. Ч. 2. № 60. С. 103—123; Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15 мая 1591 г. / Изд. подг. В. Клейн М., 1913. (Записки Московского археологического института; Т. XXV); Козыков С. Малоизвестные копии Угличского следственного дела // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 201—203.

в. перестали быть актуальными и отошли на второй план. Такая оценка событий в общих чертах сохранялась на протяжении XVII и XVIII вв. В 1829 г. М. П. Погодин в журнале «Московский вестник» поставил под сомнение возможность участия Б. Ф. Годунова в убийстве сына Ивана Грозного. Через год высказывания М. П. Погодина поддержал и развил постоянный оппонент Н. М. Карамзина Н. С. Арцибашев. Начиная с этого времени все, кто писал о событиях в Угличе, резко разделились на два противоборствующих лагеря, и, хотя полемика длится почти полтора столетия, общепризнанной точки зрения выработать так и не удалось. Основная проблема, вокруг которой разгорелась дискуссия, заключается в том, что же произошло в Угличе — убийство или несчастный случай. Тот или иной ответ имеет ключевое значение для решения многих запутанных вопросов русской истории конца XVI—начала XVII в.

Схему дискуссии можно представить так:

Сторонники версии убийства, не доверившие Следственному делу	Сторонники версии несчастливого случая, доверившие Следственному делу
1. Д. Рихтовский (Д. С. Туптало) — 1703 г.	1. М. П. Погодин — 1829, 1846 гг.
2. Д. Миллер — 1764 г.	2. Н. С. Арцибашев — 1830, 1843 гг.
3. М. М. Шербатов — 1790 г.	3. А. А. Краевский — 1836 г.
4. Н. М. Карамзин — 1824 г.	4. К. С. Аксаков — 1858 г.
5. А. С. Пушкин — 1825 г.	5. Н. П. Павлов — 1864, 1886 гг.
6. Филарет (Д. С. Гумилевский) — 1858, 1882 гг.	6. Е. А. Белов — 1873 г.
7. С. М. Соловьев — 1861 г.	7. А. И. Тименев — 1908 г.
8. П. И. Костомаров — 1868, 1873 гг.	8. В. Н. Светозаров — 1913 г.
9. В. О. Ключевский — 1871 г.	9. В. К. Клейн — 1913 г.
10. В. С. Иконников — 1890 г.	10. С. Ф. Платонов — 1921 г.
11. Д. И. Иловайский — 1890 г.	11. А. А. Рудakov — 1941 г.
12. Вл. Б-ский — 1891 г.	12. Р. Г. Скрынников — 1973, 1975, 1976, 1978, 1988 гг.
13. П. В. Голубовский — 1896 г.	
14. К. Елпатьевский — 1904 г.	
15. Д. Николаев — 1905 г.	
16. Пирлинг — 1911 г.	

Где-то посередине оказались В. И. Корецкий (1966 г.) и А. А. Зимин (1978 г.), хотя и они осторожно склонялись к версии убийства.

В обширной библиографии рассматриваемого вопроса особое место занимает статья И. И. Полосина, опубликованная посмертно в 1963 г.² Дата ее написания точно неизвестна. По-видимому, она была завершена вскоре после политических процессов 1930-х гг. Просматривая текст сегодня, легко заметить, что весь пафос И. И. Полосина, доказывающего достоверность Следственного дела, анжделется на доктрине А. Я. Вышинского, который и в теории, и на практике отрицал саму идею объективного судопроиз-

² Полосин И. И. Угличское следственное дело 1591 г. // Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. М., 1963. С. 218—245.

водства. Статья изобилует прямыми клише из опубликованных тогда отчетов о политических процессах, на которых он играл основную роль. Спорить с логикой А. Я. Вышинского бесполезно, ее можно либо принимать, что осуществлялось на практике в те годы, либо полностью отрицать, как юридическое обоснование беззакония.

Сложившаяся ситуация тем более удивительна, что у исследователей, занимавшихся рассматриваемой проблемой, имеется достаточно обширная источниковедческая база. Фонд источников, пролипающих счет на углические события 1591 г., можно свести в несколько групп.

I. Русские повести XVII в. о Смуте, в том числе сочинения дьяка Ивана Тимофеева 1619 г., Авраамия Палицына 1619 г., князя Ивана Андреевича Хворостина до 1625 г., князя Ивана Михайловича Катырена Ростовского 1626 г., князя Семена Михайловича Шаховского 1649 г. и многие другие сочинения.

II. Агиографические сочинения — Житие св. Дмитрия в редакции Германа Тулунова 1607 г., Житие св. Дмитрия в редакции Ивана Милюткина 1646 г.

III. Русские летописи и хронографы — Иное сказание 1605 г., Новый летописец 1630 г., сибирские летописи, псковские летописи, Хронограф II редакции, хронографы Кубасова и Погодина и др.

IV. Сказания иностранцев — Д. Горсея 10 июня 1591 г., польских посланцев Гонсевского, Олесницкого и пана Велижекого, бывших в Москве в 1606 г., французского историка де Ту (1553—1617 г.), гетмана Жолкевского (1611 г.), Исаакя Массы, проживавшего в Москве с 1601 по 1609 г., М. Бюра, находившегося в Москве с 1606 по 1611 г., Д. Флетчера, бывшего в Москве с 1588 по 1589 г. и опубликовавшего свое сочинение в 1591 г., письмо польского короля Сигизмунда III к послу Самуилу Грушецкому от 16 апреля 1612 г., запись в дневнике Мариньи Мишек от 23 июня 1606 г. и многие другие.

V. Русский актовый материал (кроме грамот Лжедмитрия I) — грамоты 1606 г. от 19 апреля, 21 мая, 6 июня, 2 июля, 9 декабря и ряд других.

VI. Стихотворения XVII в., собранные К. Даниловым, в которых отразилось народное неприятие углических событий и четко звучит утверждение, что царевич был зарезан по указанию Б. Ф. Годунова.

VII. Наконец, автору данной статьи удалось обнаружить серию протопарсул, посвященную убийству Дмитрия. Клейма некоторых из них имеют текстовое сопровождение, которое, по мнению автора, является фрагментами неизвестной в науке «Повести об убийстве царевича Дмитрия».³

Итак, перед исследователями углической драмы возникает парадоксальная ситуация. Версия самоубийства базируется только на тексте Следственного дела, версия убийства опирается на всю сово-

³ Силунов В. В. Неопубликованные памятники станковой живописи с изображением углической драмы 1591 г. (Этюд по истории паркурного письма) // От Средневековья к Новому времени. М., 1984. С. 149—160.

купность перечисленных выше источников XVII в. В связи с этим особое значение получает проблема оценки степени достоверности информации основного источника — Угличского следственного дела. Следственное дело — интереснейший юридический документ конца XVI в., который уже не раз подвергался развернутой и аргументированной критике. О нем писали Н. М. Карамзин, Н. И. Костомаров, Д. С. Гумилевский (Филарет), С. М. Соловьев, В. О. Ключевский.⁴ В последнее время его изучали Р. Г. Скрынников и А. А. Зимин.⁵ В данной статье невозможно изложить принципы подхода к теме и системы доказательств, применяемые этими авторами. Все они разделились на две противостоящие группы. Если одни доверяли Следственному делу, то другие не доверяли. Выводы одних парировались контрдоводами других. Убедительной концепции так и не было предложено.

Совершенно очевидно, что сегодня, когда перед историками поставлена задача раскрыть белые пятна нашей истории, загадочная угличская драма, которой будет 400 лет, должна привлечь особый интерес. С другой стороны, вопрос о достоверности информации Следственного дела 1591 г. имеет принципиальное значение с точки зрения источниковедения. Следует ли верить показаниям официального источника, подтвержденным высшими инстанциями? Как можно проверить информацию, заключенную в Следственном деле?

В настоящее время в судебной практике достаточно широко применяется так называемый следственный эксперимент. Он заключается в том, что следователь проигрывает весь ход совершенного преступления в том варианте, как его хочет представить обвиняемый, или в таком, каким его реконструирует следователь. Обычно подобная проверка предложенной гипотезы дает определенный результат. Перед следователем, начинающим расследование любого уголовного дела, всегда встает один и тот же вопрос — кому выгодно данное преступление? Перед исследователем угличской трагедии встает тот же вопрос — кто получил выгоду от смерти царевича?

Ответить на этот вопрос не столь сложно. И ответ будет вполне однозначный. В стране не может быть двух государей, им будет тесно на одном престоле. В Москве прекрасно понимали, что, если скончается болезненный Федор Иоаннович, на престоле окажется сын Ивана IV — Дмитрий Угличский. Рассуждения некоторых историков о том, что больной эпилепсией царевич был недолговечен и реальной опасности ни для кого не представлял, несерьезны. Эпи-

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1824. Т. X. С. 126—135, 226—232; Гумилевский Д. С. (Филарет). Исследование о смерти царевича Дмитрия // Чтения в ОИДР. 1858. Кн. 1, отд. 1. С. 1—32; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 2-е изд. СПб., 1861. Т. 7. С. 264, 265, 441—452; Костомаров Н. И. О Следственном деле по поводу убийства царевича Дмитрия // Вестник Европы. 1873. Т. 43. С. 164—184; Ключевский В. О. Сочинения М., 1957. Т. III, ч. 3. С. 22. — Переиздание.

⁵ Скрынников Р. Г. 1) Кто же был убит в Угличе? // Знание — сила. 1973. № 6. С. 21—23; 2) Борис Годунов. М., 1983. С. 67—84; Зимин А. А. Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 92—111.

лепней страдали Юлий Цезарь, Александр Македонский, Магомет. Однако все они оставили глубокий след в истории человечества. Окажись Дмитрий Иванович на царском престоле, за ним в Москву потянулся бы весь клан буйных Нагих. В столице неизбежно вспыхнула бы новая волна террора против всех, кто оттеснил Нагих в Углич. По элементарной логике самосохранения все враждовавшие группировки, окружавшие трон Федора, должны были желать смерти царевича. Даже сам тишайший государь не мог не понимать, что наличие второго двора в Угличе является прямой угрозой его власти.

Столь же несерьезны рассуждения о том, что включение в состав комиссии представителя враждебного Годуновым клана Шуйских должно было обеспечить объективность следствия. В смерти царевича В. И. Шуйский был заинтересован не меньше, чем Б. Ф. Годунов. Как сообщали современники, любимой забавой царевича была игра с куклами, которым он отрубал головы и которые изображали Годунова, Шуйского и других придворных бояр царя Федора. Игра легко могла превратиться в реальность. Опыт истории показал, что самая ожесточенная борьба кланов не исключает возможности и даже целесообразности временных союзов против общего врага. Смерть царевича «божьим промыслом» была оптимальным вариантом решения сложной политической проблемы тех лет.

Уже эти соображения должны были поставить под сомнение тезис о беспристрастности работы и выводов Следственной комиссии.

Первые сомнения в объективности информации документа 1591 г. начинают возникать при рассмотрении обстоятельств комплектования Следственной комиссии в Москве и выезде ее на место происшествия.

Как известно, царевич скончался в субботу в полдень 15 мая 1591 г., а беспорядки и убийства в городе произошли во второй половине дня. Общеизвестно, что Следственная комиссия прибыла в Углич вечером 19 мая, в среду, и сразу же приступила к обыску, который начался с допроса Нагих. 20 мая обыск в основном был закончен. 22 мая, в субботу, следствие было завершено, митрополит Галасий предал тело царевича земле и комиссия без замедления отбыла в Москву. Столь стремительный темп проведения всей операции требует тщательного хронометража рабочего времени с учетом огромного объема проделанной работы.

Гонец в Москву с донесением о смерти царевича и беспорядках мог быть отправлен из Углича не ранее конца дня 15 мая или утром 16-го, ибо до того дня еще неясны были ни масштаб происшествия, ни его дальнейшее развитие. Значит, с момента выезда гонца и до начала следствия прошло только неполных четыре дня. За этот срок необходимо было продумать и практически организовать целый ряд весьма сложных мероприятий: гонец должен был доскакать до Москвы и сообщить кому следует о событиях в Угличе; соответствующие, облеченные властью лица в Москве должны были скомплектовать Следственную комиссию, дать ей определенные инструкции и полномочия и направить в Углич; Следственная комиссия должна была прибыть на место происшествия и приступить к работе.

Реально ли это? В настоящее время шоссе на Углич до Ростова идет по направлению старой Ярославской дороги. На 200-м км оно сворачивает налево и на 90-м км после поворота достигает Углича. Это направление традиционное, сохранившееся от времен Московской Руси. В оба конца около 600 км. Трудно допустить, что в XVI в. имелись другие, более короткие пути. В прошлом дороги страшно петляли, следуя за профилем местности. Улучшение дорог идет в значительной степени за счет их сокращения, путем выпрямления объездов и излишних серпантинных.

Сведения о скорости ямской гоньбы в конце XVI—XVII в. сохранились в большом количестве. О русских дорогах и о скорости движения на них, о ямской службе писали многие иностранцы, побывавшие в те годы в России. Подробные известия оставили С. Герберштейн, Павел Алеппский, Дженкинсон, Даниил Прииц из Бухова, Нениль, Таншер и ряд других. До наших дней дошли многочисленные государственные указы и распоряжения по Ямскому приказу, в которых зафиксированы почасовая скорость и суточные прогоны.⁶

Ямские дворы, а затем почтовые станции находились на расстоянии, лимитированном физическими возможностями лошадей, характером участка (профиль, грунт), расположением населенных пунктов и другими факторами. Это расстояние не превышало 30—40 км. Дневные прогоны в среднем составляли отрезок между тремя станциями, т. е. они могли колебаться от 90 до 120 км.

Иностранцы и русские источники зафиксировали значительные колебания скорости зимнего санного и летнего путей. Скорость резко сокращалась во время осенних и весенних распутиц, когда дороги становились непроезжими, а езда превращалась в тяжелое физическое испытание. Тогда в лучшем случае за день преодолевали 30 км. В 80-х гг. XVII в. максимальная скорость определялась в 10 км в час, а суточный прогон достигал 150 км. Углические события развернулись в середине мая, когда в этих районах несения распутица еще обычно не проходила и езда бывала затруднена.

В порядке проведения следственного эксперимента автор данной статьи сам проделал этот маршрут на поезде и в автомашине. С неизбежными остановками на пути дорога в одну сторону заняла день.

По всей видимости, гонец из Углича мог доскакать до Москвы за два дня. За другие два неполных дня комиссия князя В. И. Шуйского с максимальным напряжением сил могла добраться до Углича. Но при этом следует учитывать, что из Москвы следовал обоз из нескольких экипажей для высоких членов комиссии и сопровождавших их лиц. Палеографы установили, что Следственное дело написано несколькими, по крайней мере шестью почерками. Значит, в комиссии состояло не менее шести писарей. Трудно допустить, что митро-

⁶ Имеется несколько работ, посвященных истории ямского дела, в которых отмечена скорость ямских троек. Особенно обстоятельна монография И. Я. Гурлянда «Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в.» (Ярославль, 1906, С. 257—259). Из последних исследований следует отметить: *Витишевская М. Н.* Старинная русская почта. М., 1962.

полит Крутицкий скакал верхом, а он не опоздал к началу следствия. Общеизвестно, что скорость движения обоза всегда ниже скорости движения отдельного экипажа. Все это говорит о том, что два дня для переезда комиссии из Москвы в Углич — чрезвычайно жесткий срок, хотя в принципе он реален, если учитывать характер событий.

Неясным остается другое — как и когда в Москве могли организовать Следственную комиссию? Для проведения обыска были выделены авторитетные государственные деятели, занимавшие высокие посты в аппарате Приказного управления и в царском Тайном совете. Председателем (по современной терминологии) был назначен князь В. И. Шуйский, который, по словам Д. Флетчера, занимал четвертое место в царском Тайном совете.⁷ Членом Совета был окольный А. П. Лупа-Клешиин.⁸ Третьим членом комиссии был думный дьяк, крупный чиновник конца XVI в., член царского Совета, глава Поместного приказа Елизар Вылузгин. Высшую церковную иерархию представлял митрополит Сарский, Подонский и Крутицкий Галасий. В контексте данной статьи невозможно остановиться на взаимоотношениях каждого из членов комиссии с Б. Ф. Годуновым. Отметим только, что среди них были как иные враги, так и иные друзья Бориса.

После того как был укомплектован состав комиссии, перед ее членами следовало поставить четкие задачи и добиться определенного единодушия в предстоящей работе. Она не могла считаться официальной без одобрения Тайного совета и утверждения самим государем. А на все эти мероприятия требовалось время. Если сообщение о смерти царевича застало окружение царя врасплох, оно неизбежно должно было вызвать замешательство, для преодоления которого также необходимо было определенное время.

В противном случае вся процедура организации Следственной комиссии напоминала бы хорошо отрепетированный спектакль. У любого объективно мыслящего человека такой фантастический для XVI в. темп организации всей операции не может не вызвать глубокое удивление, переходящее в недоверие. Даже в наше время массовых коммуникаций собрать, проинструктировать и отправить столь высокую комиссию в столь сжатые сроки практически невозможно. А ведь у Б. Ф. Годунова, который должен был все организовать, не было ни телефонов правительственной связи, ни телестайпов, ни служебного автотранспорта. Однако даты и часы событий зафиксированы в различных независимых источниках и оспорены быть не могут. Значит, имелся какой-то резерв времени, за счет которого можно было уложиться в данные сроки. Скорее всего, комиссия уже была укомплектована, получила соответствующие инструкции

⁷ Флетчер Д. О государстве русском. СПб., 1906. — Подробности послужные списки В. И. Шуйского, А. П. Клешиина и Е. Вылузгина приведены А. А. Зминым в упомянутой выше статье.

⁸ По мнению Д. Миллера, чин окольного, который соответствовал по Табелю о рангах действительному тайному советнику (II класса), стоял непосредственно после канцлера (Миллер Д. Опыт новейшей истории в России: Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служущим. СПб., 1761. Январь. С. 30—54).

и только ожидала команду на выезд. В этом случае возникает два варианта.

Первый: в Угличе произошел несчастный случай. Но такой вариант вызывает определенное сомнение, так как заранее предвидеть день и час очередного припадка, да еще с трагическим исходом, совершенно невозможно. Второй: в Угличе произошло запланированное убийство царевича. При таком варианте многие вопросы, в том числе подробности отправки Следственной комиссии, становятся более понятными. Так как Борис Годунов не обладал даром ясновидения, то следует предположить, что время и сценарий смерти царевича были предварительно согласованы с ним или по крайней мере Борис был в курсе подготовки заговора.

Стремительно преодолев 30 км, вечером 19 мая, в среду, комиссия прибыла в Углич и сразу же приступила к обыску. Любой человек, хотя бы немного знакомый с практикой следственного дела, прекрасно понимает, что начать следствие с допросов невозможно. Трудно понять, как В. И. Шуйский прямо с места в карьер знал, кого следует допрашивать. В 1913 г. Б. Эдинг утверждал, что до 1591 г. в городе было 17 тыс. тягловых дворов, а число жителей достигало 40 тыс.⁹ В настоящее время местные краеведы и работники музея, учитывая данные писцовых книг по Угличу конца XVI в., предлагают более скромную цифру — 8—10 тыс. человек, но в любом случае для того времени Углич был крупным городом.

Далеко не все жители принимали участие в убийствах и грабежах. Многие горожане вовсе не стремились поделиться с членами комиссии своими соображениями о беспорядках в Угличе, очевидцами или участниками которых они были. Как известно из материалов обыска, некоторые вообще предпочли скрыться. Многие, как потом стало ясно, в тот день не были в городе и, естественно, о трагических событиях знали из вторых или третьих рук. Первая задача, возникающая перед комиссией, заключалась в том, чтобы установить, кого следует допрашивать, вторая — доставить их в помещение, где проводилось следствие. Чтобы осуществить эти задачи, необходимо было определенное время. По всей видимости, кто-то на месте помогал следствию, причем в таком направлении, которое было созвучно взглядам московской комиссии. Таким лицом, скорее всего, был городской приказчик Руси Ряков, один из высокопоставленных городских чиновников, сыгравший на следствии значительную и не совсем благовидную роль.

Большое значение придавалось вопросам, которые ставили члены комиссии перед допрашиваемыми. Их анализ приводит к выводу, что они тесно связаны между собой и имели целенаправленный характер. Ставили их так, чтобы ответы подтверждали два основных положения: 1) царевич скончался «божьим промыслом», «набрушившись» на нож в припадке «черной болезни» (эпилепсии); 2) Нагие виновны в организации «измены», т. е. антиправительственного заговора и мятежа.

⁹ Эдинг Б. Ростов Великий, Углич. М., 1913. С. 146.

Четкость формулировок вопросов, настойчивость и последовательность, с которой они ставились, позволяет утверждать, что Следственная комиссия до начала обыска, т. е. еще в Москве, уже имела версию угличских событий, от которых она не отходила ни во время следствия, ни после его завершения. Поражает невероятная оперативность, с которой было проведено расследование. За один день, 20 мая, были взяты показания более чем у 130 человек. Если считать, что рабочий день комиссии продолжался 10, максимум 12 ч., то на каждого давшего показания приходилось около 3 мин. Во время следствия имели место коллективные показания. В деле, например, записано: «А городчане, посошные люди Гришка Толстой Максимов и все посошные люди, сорок человек, сказали в расспросе...». Не совсем ясно, как отвечали эти 40 посошных людей — каждый в отдельности, все хором либо один Гришка Толстой Максимов за всех.

Рассмотрение процедуры обыска приводит к выводу, что велся он крайне тенденциозно. Ответы, не совпадавшие с принятой комиссией версией, не принимались во внимание и не рассматривались. Для увеличения числа нужных показаний комиссия механически повторяла одни и те же желательные ответы. Так, например, трижды записано показание конюшенного Сытного двора Григория Голубева, хотя сам он ничего не видел, а повторял рассказы других лиц. Два раза приведены слова Петрушки Самойлова сына Колобова. Очные станки делались только тогда, когда они подтверждали версию несчастного случая.

Для определения степени достоверности информации Следственного дела 1591 г. большое значение имеет вопрос о том, когда и где возникли две версии угличских событий. Из текста ответов, записанных в деле, совершенно очевидно, что версия несчастного, «по божьей воле» случая является вторичной по отношению к версии преднамеренного убийства. 15 мая в городе все были убеждены в том, что царевича зарезали люди М. Битяговского. Так утверждали архимандрит Воскресенского монастыря Феодосий, игумен Александровского монастыря Савватий и многие другие. Даже те, кто на следствии 20 мая (по записям в деле) утверждал возможность несчастного случая, в день смерти царевича, судя по записям их показаний, думали иначе. Что же произошло в их головах за четыре дня? Версия несчастного случая возникла тогда, когда в городе появилась комиссия князя В. И. Шуйского. Единственно возможное объяснение странного совпадения заключается в том, что данную версию привез из Москвы сам В. И. Шуйский.

Из 130 опрошенных только 7 человек (около 5 %) были, по их словам, очевидцами смерти царевича. Все остальные сами ничего не видели, многие в тот день находились за городом, и их ответы являются пересказами слухов каких-то третьих лиц. Достоверность подобных свидетельств ничтожно мала. Комиссии они были нужны только для увеличения числа желательных ответов. Весьма примечателен социальный состав опрошенных. Показания давали члены местной администрации, дворовые люди, военно-служилая челядь. Для

московской комиссии такой контингент был вполне удобен, так как он был в достаточной степени дисциплинирован и легко давал нужные показания.

Очевидцами смерти царевича были четверо «малых ребят», которые в тот момент играли с ним в ножички, — Петрушка Самойлов сын Колобов, Баженка Нежданов сын Тучков, Ивашка Иванов сын Красенского и Гришка Андреев сын Козловского. Все они были сверстниками Дмитрия, детьми в возрасте 8—10 лет. Рядом с царевичем в момент его смерти стояли три взрослые женщины — мамка, боярыня Василиса Волохова, постельница Марии Самойлова и кормилица Орина (Ирина) Тучкова-Жлянова. Кроме них, еще один человек утверждал, что он «то видел». Им был стряпчий Семейко (Семен) Юдин, который, по его словам, в момент смерти царевича стоял у поставца, возле окна, в одной из комнат княжеского дворца. Проверить его показания в настоящее время трудно, так как из окон сохранившейся части здания место, где по преданию погиб Дмитрий, не просматривается. Показания С. Юдина вызывают серьезное недоверие, так как необходимо крайне редкое стечение обстоятельств, чтобы человек, что-то делавший у поставца, смог рассмотреть через глубокий оконный проем на довольно большом расстоянии, как царевич упал на нож. Кроме того, надо допустить, что в помещении были раскрыты окна, ибо через слюдяные оконницы что-либо видеть невозможно.

Достоверность записанных в деле ответов малолетних детей проверить также трудно. Возможно, они находились в состоянии шока либо на них было оказано психологическое давление, но память им явно отказала. Дважды на прямые вопросы В. И. Шульского, кто еще, кроме них, находился возле царевича в момент его смерти, они не назвали В. Волохову, которая бесспорно стояла рядом. Странным кажется и то обстоятельство, что информация, содержащаяся в записи их ответов, ни по форме, ни по объему не отличается от показаний других лиц, даже таких, которые днем 15 мая находились вне города. Детское сознание должно было несколько по-иному запечатлеть сцену смерти царевича, чем она зафиксировалась в памяти взрослых людей. Между тем записи ответов детей дословно совпадают с показаниями взрослых, даже тех из них, которые ничего не видели и говорили с чужих слов.

Особый интерес представляют показания кормилицы и мамки, и на них следует остановиться подробнее. В записи Следственного дела ответ кормилицы примечателен в двух отношениях. По ее словам, Дмитрий скончался у нее на руках. Следовательно, Орина Тучкова была ближе всего к месту происшествия и видела все подробности трагедии. Однако она повторила слово в слово тот же рассказ о смерти царевича, который передавали лица, ничего сами не видевшие. Уже это обстоятельство вызывает определенное недоверие к точности записи ее показаний.

Особое место в материалах обыска занимает пространное показание Василисы Волоховой. Боярыня выступала не как основной ответчик, а как главный обвинитель. В напряженной обстановке

допроса на пятый день после гибели ее сына — Даниила Волохова — она сохранила удивительное самообладание и ясность мысли. Мамка резко обвиняла царицу-мать в том, что та поколотила ее поленом, а весь клан Нагих во главе с Марией — в организации угличского мятежа. В. Волохова даже не нашла нужным как-то оправдать свою бездеятельность в момент начала припадка у царевича, хотя видела нож в его руках. По всем законам во все времена мамка головой отвечала за жизнь вверенного ей ребенка. Отметим, что кормилица, которая также стояла рядом и, по ее словам в изложении Следственного дела, подняла раненого царевича на руки, считала себя виновной в гибели ребенка и просила прощения, что не убергла его. Резкий тон выступлений В. Волоховой, обвинения в адрес царицы позволяют сделать далеко идущее предположение — показания В. Волоховой были угодны комиссии.

Для выяснения объективности записей в Следственном деле следует обратить особое внимание на дальнейшую судьбу обеих женщин. Кормилица под тщательным надзором вместе с мужем была направлена в Москву, где следы ее теряются. «Окаянная» же мамка получила «жалование многие и вотчины».¹⁰ Если неходить только из материалов обыска, подобное решение властей воспринимается как насмешка над здравым смыслом, ибо вина двух женщин была равная (скорее, большая доля вины приходилась на Волохову). Решение суда кажется несправедливым не только нам, людям конца XX в. Его не признали общественная мысль и народное сознание XVII в.

Определение собора по Угличскому делу, санкционированное самим государем, приобретает внутреннюю логику только при оценке его с учетом информации всех источников XVII в., утверждавших иную, чем Следственное дело, версию угличских событий. Из этих источников следует, что боярыня В. Волохова была тайным агентом Бориса Годунова, основной фигурой в заговоре против царевича. За активное участие в убийстве и дачу нужных для комиссии показаний она получила обусловленное заранее вознаграждение.¹¹ С другой стороны, эти же источники утверждают, что кормилица, защищая царевича своим телом, сорвала осуществление заранее продуманного плана убийства, затянула время, что привело к нежелательным для заговорщиков последствиям. Поп Огурец ударил в набат, на звон колокола сбегался народ, тайное стало явным.

В литературе проскальзывали указания, восходящие к Морозовской, Никоновской и другим летописям, что на обыске кормилица

¹⁰ Платонова С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888; Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. 2-е изд. СПб., 1909 (РИБ; Т. XIII); Костомаров Н. М. О Следственном деле по поводу убийства царевича Дмитрия. С. 164—182; Ключевский В. О. Сочинения. Т. III, ч. 3. С. 22. — О том, что «окаянная мамка» Вислица Волохова «жалование многие и вотчины» получила, говорят несколько независимых источников. См.: Новый летописец // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XIV, 1-я пол. Запись под 1630 г.; Летопись о многих мятежах. 2-е изд. М., 1788. С. 26.

¹¹ Новый летописец. С. 40—42; Гумилевский Л. С. (Филарет). Исследование о смерти царевича Дмитрия. С. 15.

говорила совсем не то, что оказалось записанным в Следственном деле.¹² Если это справедливо, то Орнна Тучкова-Жданова была для организаторов заговора слишком опасным свидетелем, которого следовало срочно и надежно убрать.

Угличское дело в значительной степени было построено на показаниях городского приказчика Русина Ракова. Его странное поведение в ночь перед приездом комиссии не раз привлекало внимание исследователей, но убедительного объяснения до сих пор не получило. Между тем при тщательном анализе за внешне бессмысленными поступками выявляется достаточно четкий план, который приводит к мысли, что Р. Раков работал на тех, кто планировал устранение царевича. Развив огромную энергию, вечером и поздней ночью с 18 на 19 мая городской приказчик организовал два явных подлога. Во-первых, всеми доступными способами он пытался достать у Нагих ногайский нож, что ему в конце концов и удалось. Встает естественный вопрос: для чего и кому он был нужен? В материалах следствия ответа на этот вопрос нет.

У всех, кто занимался изучением Угличского дела, возникало удивление, почему ни во время следствия, ни во время вскрытия захоронения Дмитрия в мае 1606 г. основное вещественное доказательство — нож, которым зарезался (или был зарезан) царевич Дмитрий, ни разу ни фигурировал. При обретении мощей в руках у царевича были обнаружены платок, подаренный матерью, царницей Марией, орехи, которыми он «тешился» перед смертью, ожерелье на шее. Согласно версии убийства, наиболее полно раскрытой в Новом летописце и в серии протоколов, обнаруженных автором настоящего сообщения, убийца, сын В. Волоховой Данило, нанес ребенку удар в горло, «как змей ужали жалом, кольнул ножом».¹³ Возможно, перед нами литературный штамп. Но четкость и яркость созданного образа позволяют допустить и другую трактовку приведенной фразы. По-видимому, у ребенка на шее была небольшая, но глубокая рана. Русские ножи XVI в. хорошо известны как по археологическим находкам, так и по собраниям холодного оружия в разных музеях страны. В этом плане особенно интересны коллекции Государственного Исторического музея и Государственного Эрмитажа. У русских ножей XVI в. широкие, довольно толстые клинки с явно закругленными с одной стороны лезвиями. Таким ножом совершенно невозможно нанести рану, которая напоминала бы точечный след от укуса змеи.

Как выглядел ногайский нож, который искал Р. Раков? В настоящее время оружейеды еще не могут из общей массы холодного оружия Ближнего Востока выделить ногайские ножи. Большие Ногаи, кочевавшие в XVI в. в степях за Волгой, использовали либо «кизилбашское», т. е. иранское, оружие, либо его местные варианты. К сожалению, иранских ножей этого времени в эрмитажном собрании нет.

¹² Киссель Б. Краткая история города Углича. СПб., 1895. С. 34.

¹³ Новый летописец. С. 41.

После значительного расширения круга поисков привлекаемых источников удалось установить, что на персидских миниатюрах XVI в. встречаются изображения ножей, принадлежавших высокопоставленным лицам из иранской знати. У этих ножей или кинжалов были длинные клинки, плавно переходящие в тонкое колющее острие.¹⁴ На эрмитажном списке протопарсуны, посвященной убийству царевича, в текстовом сопровождении пятого клейма имеется фраза: «...сын ее (В. Волоховой. — Б. С.) Данилко Волохов нож же обнажен тайно в руке держа». Ножи, изображенные на иранских миниатюрах XVI в., которые достигали, судя по соотношению с фигурой портретируемого, 40 см, скрытно в руке не удержишь. Для аналогов они явно не годятся.

На протопарсуне эрмитажного собрания изображен нож, которым было совершено преступление. Он выпал из руки убийцы, когда последний пытался скрыться. У ножа небольшая красная рукоятка с двумя обоймицами. Лезвие имеет обратную кривизну заточки. Любому специалисту по оружию очевидно — убийство было совершено не русским ножом, так как последний не имел обоймицы и вогнутой заточки. В других клеймах протопарсуны сюжет с брошенным ножом не получил ни объяснения, ни развития. По всей видимости, в клейме эрмитажного списка уцелела реальия убийства царевича.

Недостающее звено, связавшее воедино разрозненные на первый взгляд отрывочные сообщения Следственного дела, Нового летописца и эрмитажной протопарсуны, найти все же удалось. В одном из музеев Флоренции хранится группа иранских ножей XVI в.¹⁵ Один из ножей этого собрания оказался двойником ножа, изображенного на парсуне. У флорентийского ножа небольшой клинок с обратной кривизной заточки, завершающийся шилообразным концом. С двух концов ручка укреплена металлическими обоймицами. Такой небольшой нож можно было спрятать в руке и нанести им глубокую рану с точечным входным отверстием.

Исходя из приведенных соображений и наблюдений, логику поступков Р. Ракова можно реконструировать следующим образом. Комиссии В. И. Шуйского необходимо было иметь нож, который принадлежал бы Нагим и имел бы тонкое и узкое лезвие. Такой нож стал бы «бесспорным» доказательством самоубийства. Царевич играл своим фамильным ножом и им случайно, в припадке «черной болезни», нанес себе смертельную рану в горло. Ногайский нож, хранившийся у Григория Нагого, отвечал заданным характеристикам. Именно его должен был достать Р. Раков. Подлинный же нож убийцы следовало куда-то тщательно спрятать.

На этом бурная деятельность городского приказчика не закончилась. Он совершает второй подлог. Ночью собирает в городе оружие, обливает его кровью специально зарезанных куриц и подбрасывает к телам убитых людей М. М. Битяговского. Кому и зачем

¹⁴ *Murlin F. R. The miniature painting and painters of Persia, India and Turkey* London, 1912. Vol. II. Tabl. 151, a (1570—1580).

¹⁵ *Robinson H. R. Il museo Stibbert a Firenze. Vol. I. Tab. 60, a.*

это было нужно? Чье задание он выполнял? Ответ, приведенный в деле: «... для того, что де будто все те люди царевища Дмитрия зарезали», — совершенно бессмыслен. Было собрано четыре ножа, два самопала, одна палица железная и одна сабля. Всего восемь единиц холодного и огнестрельного оружия. Чтобы убить восьмилетнего ребенка, столько оружия совершенно не нужно. Столь же бессмысленно утверждение самого Р. Ракова, что все подозрительные действия, совершенные им в ночь на 19 мая, он выполнял по распоряжению Нагих. Трудно понять, какую выгоду могли получить Нагие, подбрасывая окровавленное оружие на тела убитых людей Битяговского? Однако та настойчивость, с которой Р. Раков осуществлял операцию, та тщательность, с которой он рассказывал комиссии о ее проведении, говорят о большом значении операции для некоторых лиц.

Просмотр возможных вариантов ответа приводит к выводу, что имеются основания предположить более или менее убедительное решение рассматриваемого юридического казуса.

Если восстание в городе носило стихийный характер и было естественной реакцией угличан на убийство их законного удельного князя, обвинение клана Нагих в государственном преступлении повисало в воздухе. Требовались убедительные вещественные доказательства наличия заговора с целью подготовки вооруженного антиправительственного мятежа. Видимо, не случайно все списки протопарсуны с изображением убийства царевича и памятники письменности первой половины XVII в. упорно подчеркивают, что горожане побили убийц Дмитрия камнями. Избиение камнями — это не только символ позорной казни, это доказательство стихийности возмущения горожан. Подлог Р. Ракова обеспечивал вещественными доказательствами второй, тесно связанный с первым, тезис версии Следственной комиссии — восстание в Угличе было организовано и обеспечено оружием кланом Нагих.

Р. Раков явно оговаривал М. Нагого, упорно утверждая перед членами комиссии, что брат царицы заставлял его, Русина, «стоять с ним заедин». Правды, он так и не пояснил, против кого и в каком случае им необходимо было быть «заедин». Этого Р. Раков не раскрыл потому, что М. Нагой такого скорее всего не говорил. Главное, чего добивался городской приказник, — это посеять подозрения, которые дали бы следствию нужный материал для подтверждения версии о виновности Нагих.

Поведение представителей семейства Нагих в момент смерти царевича доказывает, что они никак не ожидали всего того, что произошло в Угличе после 13 ч. 15 мая 1591 г. Если бы Михаил Нагой был главой заговора, он бы не прискакал на Царицын двор «мертвецки пьян», как следовало из единодушных показаний очевидцев. В это же время другие родственники царицы были заняты самым мирным делом — они обедали: Григорий — на своем подворье, Алексей Александрович — вместе с царицей у нее во дворце.

Русин Раков и те, кто стоял за его спиной, организуя операцию

с подбрасыванием окровавленного оружия, по-видимому, рассуждали примерно так: любой беспристрастный человек, увидев тело дьяка Битяговского, а также других убитых вместе с ним людей и лежащее возле них окровавленное оружие, примет версию вооруженного мятежа, организованного Нагими.

Вызывает удивление поразительное совпадение — еще до присяда комиссии князя В. И. Шуйского Р. Раков вещественными доказательствами подкрепляет два основных пункта следственной версии Угличского дела.

Трудно допустить, чтобы Р. Раков самостоятельно рассчитывал возможные варианты плана устранения царевича, если таковой действительно существовал. В чебоксарском списке протопарсуны, посвященной убийству царевича Дмитрия, в шестом пункте надписи сказано, что Б. Ф. Годунов, направляя в Углич М. Битяговского с заданием убить царевича, предоставил ему право самому выбрать время и уточнить детали покушения. Анализ поступков городского приказчика в ночь с 18 на 19 мая приводит к убеждению, что он действовал по заранее разработанному плану, который в общих чертах был согласован с лицами, близко стоящими к кормилу государственной власти.

Текстологическое изучение Следственного дела приводит к примечательным выводам. Общеизвестно, что записи показаний не являются точным изложением ответов, хотя некоторые индивидуальные особенности речи отдельных лиц писцы все же сохранили. Удивление вызывает одно обстоятельство: как только свидетели начинали отвечать на вопрос: «Как царевича не стало?», — все они слово в слово повторяли стереотипную фразу: «Гешился царевич с мальцами ножиком на Заднем дворе, и пришла на него старая болезнь, черный недуг, и тут его бросило об землю и било его долго, а у него был ножик в руках, и он тем ножом сам накололся». Эта фраза с незначительными разночтениями, не меняющими объема информации, повторяется 25 раз. Так отвечали дети, игравшие с царевичем, стоявшие рядом женщины, горожане, даже те, кто 15 мая находился вне города.

Подобный феномен может иметь только одно объяснение — желаемый ответ на основной вопрос обыска был сформулирован заранее и приписывался всем опрошенным вне зависимости от того, что они говорили на самом деле. Высказанное предположение как будто может быть парировано наличием в тексте дела подписей некоторых лиц, дававших показания. Но, по-первых, мы не знаем, действительно ли в деле стоят подписи лиц, отвечавших на вопросы комиссии. Во-вторых, средневековое судопроизводство знает бесчисленное количество примеров того, как люди признавались в совершении самых невероятных фантастических преступлений.

Параллельный анализ дела и других источников, освещающих угличские события 1591 г., показывает, что они не только во всем противоречат друг другу. В некоторых пунктах они взаимно дополняют информацию, заключенную в каждом из них в отдельности. В XVII в. Следственное дело не было документом, широкодоступным

для авторов повестей и житий царевича Дмитрия. Учитывая, что все сочинения XVII в. придерживались версии убийства, трудно допустить, чтобы авторы этих произведений стремились ознакомиться с текстом Следственного дела. По-видимому, они опирались на какие-то другие источники информации, например на «Повесть об убийении царевича Дмитрия», текст которой реконструируется по надписям на протопарсунах, посвященных этому сюжету. Наличие определенных совпадений отражает причинно-следственные связи реальных эпизодов угличской драмы, фрагменты которых зафиксированы в разных источниках. Так, например, по записям в Следственном деле трудно понять, какая роль отводилась ногайскому ножу. Этот сюжет получил полное объяснение только из текстов других памятников XVII в., прежде всего в надписях протопарсуны.

Рассматривая степень достоверности информации Следственного дела, автор данной статьи обратился за экспертизой на кафедру судебной медицины Ленинградского института усовершенствования врачей им. С. М. Кирова. Заведующий кафедрой доктор медицинских наук, профессор О. Х. Поркшеян после ознакомления с описанием в деле смерти царевича пришел к выводу, что версия несчастного случая маловероятна. Медицинская практика показывает, что в момент потери сознания больной обычно падает назад либо оседает вбок. Упасть на грудь может только при быстром движении вперед, неожиданно споткнувшись на какое-нибудь препятствие. Во время игры в ножички играющие стоя бросают их через черту. Падая на спину, очень трудно «набрушиться» на нож и проколоть сонную артерию. Такое заключение не означает, что версия несчастного случая должна быть полностью исключена. Но, как подчеркнули эксперты кафедры, возможность непреднамеренного самоубийства крайне мала.

Второй тезис комиссии — «об измене Нагих» — В. И. Шуйский доказать полностью не смог, хотя связанный с ним третий тезис (или пункт обвинения) — «о мятеже в Угличе» — был достаточно очевиден. Беспорядки в городе носили явно стихийный характер, и инкриминировать Нагим их предварительную организацию было трудно.

Но в конечном итоге правительство Б. Ф. Годунова учинило в городе грандиозный погром, от которого Углич оправиться уже не смог. Был разгромлен клан Нагих, подорваны их политическое влияние и экономические возможности. Смерть царевича лишила их основного козыря в борьбе за власть. Те, кому выгоден был выход Нагих из большой игры, должны были практически содействовать организации физического устранения царевича или хотя бы сочувствовать этому. За всеми перипетиями Угличского дела все время прослеживается заранее разработанный сценарий, по которому до определенного момента развивались события. Они вышли из-под контроля тогда, когда поп Огурен ударил в набат, подав тем самым сигнал к началу беспорядков.

Все три пункта обвинения были тесно взаимосвязаны и имели

одну конечную цель. Навсегда останется тайной, мечтали или не мечтали Б. Ф. Годунов и В. И. Шуйский весной 1591 г. о царском венце. Но о собственной безопасности они не могли не думать.

Итак, анализ записей Следственного дела с учетом показаний всех независимых источников XVII в. позволяет сделать несколько предварительных выводов.

По-видимому, как негативная, так и позитивная оценки достоверности информации Угличского следственного дела 1591 г. не могут быть приняты в полном объеме. Истина находится где-то посередине.

Основной тезис — о несчастном случае, в результате которого «божьим промыслом» погиб царевич, — вызывает ряд существенных возражений. Каждое из них в отдельности может быть объяснено стечением случайных обстоятельств. Но, когда таких сомнений в достоверности накапливается много, за ними начинает вырисовываться определенная закономерность. Смысл ее заключается в том, что информация Следственного дела в отношении первого и основного тезиса обвинения тенденциозно фальсифицирована. Второй тезис — «об измене Нагих» — был тесно связан с первым. Только доказав факт несчастного случая, комиссия В. И. Шуйского могла инкриминировать Нагим государственную измену, т. е. выступление против центральных властей. Второй тезис подкрепляется третьим — о вооруженном мятеже горожан. Доказать его было нетрудно, ибо беспорядки и убийства действительно имели место. Но здесь возник юридический казус, который в подобной ситуации всегда имеет большое значение. Было ли восстание стихийное, или оно было заранее организовано и возглавлено представителями клана Нагих? С точки зрения горожан они не совершили никакого антигосударственного преступления, ибо по зову совести и призыву государыни Марии покарали убийц своего законного князя и наследника русского престола. Ясно, что вся система обвинения держалась на одном пункте — как погиб царевич? Если он скончался «божьим промыслом», горожане не имели ни морального, ни юридического права карать его убийц, которых в этом случае не могло быть. Если же его зарезали, то наказание убийц, санкционированное к тому же самой царицей, можно было в какой-то мере оправдать. Но, с другой стороны, убийцы оказались связанными с М. М. Битяговским, а он воплощал в городе центральную власть. Здесь вопрос упирается в разграничение юрисдикций центральной и местных властей. Дела о мятежах подлежали ведению Москвы. Однако в сознании горожан на их стороне была Мария Нагая, жена Ивана Васильевича, царица всея Руси. Казус был действительно сложный. Обе стороны были убеждены в своей правоте. Прикрываясь высшими государственными интересами, члены комиссии прежде всего защищали свои личные интересы и интересы своих кланов. Массовые казни и ссылки в Пелым были запрограммированными издержками в этой борьбе. В Угличе были репрессированы не конкретные участники бесчинств, а все жители, большинство которых никакого отношения к мятежу не имело.